

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона

М.В. Куцаева

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

В статье приводятся результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в чувашской диаспоре Московского региона. Актуальное использование чувашского языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине. Выделены периоды и наиболее общие черты языковой биографии (какие языки использовались респондентами в разговоре с родителями, старшими родственниками, сверстниками до школы, при поступлении в школу; на каком языке велось обучение в начальной школе, в средней школе, в техникуме или вузе; языки общения с соседями на малой родине) позволяют выявить различные пути усвоения респондентами этнического языка.

Ключевые слова: диаспора, чувашский язык, языковая биография, чувашско-русское двуязычие

1. Введение

Чуваши, представители одного из крупнейших тюркоязычных этносов Российской Федерации [1. С. 307], расселенного на ее территории как компактно, так и дисперсно [2. С. 826], проживают в том числе и в Московском регионе. По данным переписи 2010 г., в Москве и области насчитывается 26 779 чувашей (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

В социолингвистическом обследовании приняли участие 100 этнических чувашей, из них 85 респондентов принадлежат к первому поколению диаспоры: они родились в Чувашской Республике или в местах традиционного компактного проживания чувашского этноса (в Урало-Поволжском регионе) и позже обосновались в Московском регионе.

2. Результаты и обсуждение

Ниже в таблицах приводятся результаты сопоставительного анализа по когортам в выборке по периодам языковой биографии респондентов, предшествующим их переезду в Московский регион.

До школы преимущественно на чувашском языке с родителями разговаривали респонденты когорт 51—60-летних (76%), 41—50-летних (70%), лица старше

60 лет (64%), а также представители когорты 30—40-летних (61%). Место рождения и проживания респондентов — сельская местность, небольшие населенные пункты — предопределяли использование преимущественно чувашского в качестве языка внутрисемейного общения.

В детстве в деревне все по-чувашски, с родителями — на чувашском, конечно (Мария Л., 63 года).

Всегда в детстве — всегда и везде — на чувашском разговаривали (Аркадий П., 51 год).

На чувашском до школы разговаривали у нас, просто другого языка не знали! (Евгений, 32 года).

Таблица 1

Языки, используемые респондентами до школы (%)

Контекст	Язык общения/Кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)			
Родители	41	41	18	61	22	17	70	30	—	76	24	—	64	29	7
Старшие родственники	70	12	18	70	13	17	70	20	10	90	10	—	86	14	—
Сверстники	29	47	24	61	30	9	70	30	—	71	24	5	64	36	—
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 1

Languages used by respondents before school (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]			
Parents	41	41	18	61	22	17	70	30	—	76	24	—	64	29	7
Older relatives	70	12	18	70	13	17	70	20	10	90	10	—	86	14	—
Peers	29	47	24	61	30	9	70	30	—	71	24	5	64	36	—
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

На русском языке в выборке общались до школы с родителями респонденты когорт 20—30-летних (41%), а также лица старше 40 лет (30%), что объясняется местом их проживания (Чебоксары, Новочебоксарск, райцентры и поселки городского типа).

Владею русским, потому что я родился в Новочебоксарске, а в свое время преимущественно только русский был язык (Алексей В., 29 лет).

При этом в подавляющем большинстве случаев родители респондентов сами были выходцами из деревни и являлись, таким образом, носителями чувашского языка, однако своим детям этнический язык они не передавали. Мотивы, которые

лежали в основе подобного языкового поведения родителей, были описаны одной из наших респонденток:

Наша мама почти пятьдесят лет прожила в поселке, а говорила все равно по-русски с акцентом. Она поэтому не хотела, чтобы у нас, у детей, был акцент в русском. С нами она говорила только по-русски с детства (Ирина Л., 50 лет).

Чувашско-русское двуязычие в семье в общении с родителями практиковали в большей мере респонденты когорт 31—40-летних (17%) и 20—30-летних (18%).

У нас в семье так сложилось, что мама в обиходе говорила на чувашском, а мы с братом отвечали на русском. Это было комфортно, никто не делал из этого проблемы. Я должна сказать большое спасибо родителям, что они меня не ограничивали и не навязывали своих убеждений. Если ребенку было комфортно говорить на языке, который он выбрал. Они просто приняли это (Татьяна К., 31 год).

Я с малых лет знал оба языка, у нас в семье оба языка практикуются, и никто не стесняется ни того, ни другого (Дмитрий М., 29 лет).

Подобный тип общения был сведен к минимуму в семьях респондентов в самой старшей когорте (7%) и совсем отсутствовал в семьях респондентов старше 40 и 50 лет.

Чувашский язык был указан в качестве основного языка общения со старшими родственниками (от 70% до 90%), так как последние проживали, как правило, в сельской местности и использование чувашского в деревне было для них естественным, а также потому, что старшие родственники, особенно лица старше 50 лет, в то время слабо владели или вовсе не владели русским языком, и даже тем респондентам, которые с родителями разговаривали на русском, приходилось в такой ситуации в определенном объеме осваивать чувашский язык.

С родителями до школы — по-русски. Но чувашский мы выучили немного — детьми. Дело в том, что бабушка приходила к нам, точнее, прабабушка для нас. Она жила с нашей тетей. Конечно, не только с бабушкой мы учили чувашский. Но с ней это необходимо было. С братом мы говорили по-русски, а с ней по-чувашски приходилось. И еще ее дочь была, тетя Маруся. Она очень часто разговаривала по-чувашски, а по-русски не очень любила разговаривать. И потом к нам деревенские старики часто приезжали домой, приходилось иногда разговаривать. А в то время мы жили у церкви. В то время церкви все позакрывали, только наша. Иногда ночевали очень много людей из деревни, разговаривали все по-чувашски (Владимир Н., 58 лет).

До школы — больше на русском, это как с детского сада началось, дома на русском языке с родителями. А с бабушкой — на чувашском! Со всеми бабушками-дедушками, потому что они не умели по-русски разговаривать. А вообще языку, чувашскому, я училась дома с ними. Потому что дома по-чувашски разговаривали. Бабушка по-чувашски разговаривала, русский язык она очень плохо знала, говорила: «Садись, садись, ешь, скусно-скусно!». Все! Вот эти слова, в принципе, и все. Остальное — чувашский язык! (Татьяна И., 35 лет).

Были бы живы дед с бабушкой, я знал бы больше чувашского! (Юрий Ч., 63 года).

Со сверстниками на чувашском разговаривали представители практически всех когорт (от 61 до 71%).

На чувашском, конечно, с ребятами в деревне (Сергей И., 47 лет).

Исключением является младшая когорта (29%), что объясняется существующей тенденцией даже в сельской местности в среде детей использовать только русский язык (47%) или преимущественно русский язык наряду с чувашским (24%) в общении со сверстниками, приезжающими из города в деревню на летние каникулы.

У нас в деревне были две девочки-подружки, они разговаривают по-русски, но чувашский тоже понимают, но не разговаривают. У них в семье принято разговаривать на русском. А нам нужно было играть, общаться, понимать. Я только с ними научилась разговаривать на русском. А кто из города приезжал, тоже было полезно (Надежда И., 22 года).

При этом доля общения исключительно на русском языке оказалась наивысшей в самой младшей когорте в выборке (47%).

Особо отметим растущую тенденцию к использованию чувашско-русского двуязычия: двуязычное общение отсутствовало в выборке у представителей когорт 41—50-летних и 61—84-летних, лишь намечалась в когорте 50—60-летних респондентов (5%), доля двуязычного общения немного возросла в среде респондентов 30—40 лет (9%) и составила уже 24% в когорте молодых людей 20—30 лет.

Таблица 2

Языки, используемые респондентами в начальной школе (%)

Контекст	Язык общения/Кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)
Обучение в школе	35	53	12	39	47	13	50	40	10	48	43	9	50	43	7
Общение на перемене	35	53	12	65	30	5	70	30	—	71	24	5	64	36	—
В семье	35	47	18	61	30	9	60	30	10	76	19	5	57	29	14
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 2

Languages used by respondents in primary school (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]
Schooling	35	53	12	39	47	13	50	40	10	48	43	9	50	43	7
Communication at break	35	53	12	65	30	5	70	30	—	71	24	5	64	36	—
In family	35	47	18	61	30	9	60	30	10	76	19	5	57	29	14
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Языком обучения в начальной школе у респондентов был либо чувашский, либо русский в зависимости от типа школы. В национальных школах, расположенных в сельской местности, таким языком был чувашский:

Это начальная школа, и было все на чувашском языке. Русский язык был как предмет, но математика, все остальные предметы — на чувашском языке (Маргарита Е., 43 года).

В школах городов, райцентров, поселков городского типа языком обучения был русский:

На русском я училась. В Чебоксарах я училась. В обычной школе. Тогда чувашский изучался только в национальных школах. Я попала в такую струю, мне кажется, как раз тогда не изучали чувашский язык (Ирина О., 33 года).

Незначительна доля ответов, согласно которым языками начального обучения выступали одновременно чувашский и русский. Вероятно, это объясняется тем, что в ряде случаев в сельских школах даже при условии обучения на русском учителя переходили на чувашский, функционально первый для большинства обучающихся язык, широко привлекали его в качестве вспомогательного средства, что позволило респондентам в ответах назвать оба языка.

Учительница нам объясняла на чувашском и на русском. Мы знали и то, и то. Она специально так разговаривала, чтобы мы быстро схватывали. Тогда же детей много было. Вот это никогда не забуду! Вот как было. Например, математика. Один плюс один. На чувашском: «Пёрре сумне пёрре хушсан миçe пулать? Сколько будет?» — «Два, иккё». Вот мы это уже знали. Да, она нас учила так на двух языках до четвертого класса (Надежда Л., 53 года).

В общении во время перемен преобладал чувашский (за исключением когорты 20—30-летних): в соотношении 65% к 35% с незначительной долей (5%) чувашско-русского двуязычия в когортах 30—40-летних и 50—60-летних респондентов. Чувашеговорящие дети даже при условии обучения на русском на переменах использовали чувашский не только в разговоре с одноклассниками, но и с учителями.

В начальной школе преподавание было, кажется, на русском, но общение шло между детьми и с преподавателем на перемене на чувашском, а занятия проводились на русском (Татьяна Т., 36 лет).

Дети, обучение которых проходило в городских школах, разговаривали на переменах на русском.

Внутрисемейное общение в этот период сохранилось в более половине случаев на чувашском во всех когортах (кроме когорты 20—30-летних): от 57% в самой старшей когорте до 76% в когорте 50—60-летних. Общение на русском колеблется в пределах 30% для всех когорт; исключением является когорта 50—60-летних, где данный тип общения составил лишь 19% ввиду того, что респонденты в основном являются уроженцами сельской местности, и самая младшая когорта, в которой общение на русском в семье достигло 47%.

Двуязычное общение в семье сохранилось лишь в когорте 20—30-летних, незначительно снизилось в когорте 31—40-летних; увеличилось или впервые появи-

лось в более старших когортах, очевидно, в связи с поступлением детей в школу: некоторые респонденты, родившиеся в сельской местности, тем не менее поступили в школы с русским языком обучения, что могло косвенно повлиять на рост двуязычного общения в семье. Инициатором внедрения русского языка в семье был, как правило, один из родителей:

Именно с папой тогда стала на русском общаться, и потом у нас было очень много гостей папиных, он был рыбак. Он в свое время учился в городе, по-русски прекрасно говорил, в отличие от мамы. Он начинал с того, как предметы называются, потом склонения, рода. Это все папа. Я ему за это благодарна (Лилия Ш., 47 лет).

До школы говорил на чувашском языке. И с родителями, и с бабушками, и с ребятами. Это чувашская деревня была. Когда в школу пошел, с мамой по-прежнему на чувашском говорил все равно. Ну мама-то, она особенно русский язык не знала. Отец иногда — да, на русском. И с братьями общались по-русски. Наверное, отцово влияние было, да, больше. Ну он говорил: «Вам же надо продвигаться. Говорить!» (Дмитрий С., 62 года)

Таблица 3

Языки, используемые респондентами в средней школе, техникуме, вузе (%)

Контекст	Язык общения/кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)
Обучение в школе	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	79	21
Общение на перемене	—	53	47	48	30	22	20	40	40	48	24	28	21	36	43
В семье	25	47	28	61	30	9	50	30	20	76	19	5	50	29	21
Дальнейшее образование	—	94	6	—	83	17	—	100	—	—	95	—	—	86	—
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 3

Languages used by respondents in secondary school, technical school, university (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]
Schooling	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	79	21
Communication at break	—	53	47	48	30	22	20	40	40	48	24	28	21	36	43
In family	25	47	28	61	30	9	50	30	20	76	19	5	50	29	21
Further education	—	94	6	—	83	17	—	100	—	—	95	—	—	86	—
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

С переходом в среднюю школу у респондентов, посещавших национальную школу, согласно положениям школьной реформы 1958 года, менялся язык преподавания [3. С. 301]. Как в городских и поселковых школах, обучение в школах в сельской местности велось на русском. В связи с этим во всех когортах респонденты указали русский язык в 100% случаев, исключение составила самая старшая когорта, представители которой в 21% случаев назвали и чувашский, и русский в качестве языков обучения (вероятно, в связи с широким привлечением чувашского в качестве вспомогательного средства обучения).

Выявлена следующая корреляция: лица, посещавшие национальную школу, особенно в старших и средних когортах, отметили трудности, с которыми им пришлось столкнуться при переходе на русский язык обучения, тогда как у представителей младших когорт, вынужденных в обязательном порядке изучать чувашский язык как предмет в школах в городской среде начиная с 1990-х годов, напротив, затруднение вызывало освоение чувашского языка.

Приведем свидетельство респондента Юлии А., в свое время работавшей учителем математики в старших классах национальной школы:

Когда я в сельской школе работала в Ковалях, там до восьмого класса преподавание было на чувашском языке, а с восьмого по десятый класс — на русском, все предметы. Поэтому мы когда приехали, нам трудно было с учениками. Но мне хорошо с учениками — я объясняю им, они еще понимают. Вот физику — приехал молодой специалист вместе со мной в один год — из Ленинградского пединститута тоже по распределению, ей было очень трудно! И ученикам было трудно понять и ее саму, и физику. Ковали — деревня большая, там базар был по четвергам еженедельный, поэтому там школа была средняя, учителя в основном местные, чувашки. Нас встретили хорошо, мы разговаривали по-русски, они между собой по-чувашски разговаривали. Но я-то понимала! Они про нас вначале такие вещи говорили, что, вот, приехали, городские. Они не знали, что я чувашка, а потом узнали и извинялись передо мной! С детьми очень интересно в первый раз произошло. Один ученик <...> в десятом классе. Сидит и по-чувашски говорит: «Ничего не понимаю!» Тихо. А я, значит, подошла, наклонилась к нему и говорю ему по-чувашски: «Чего ты не понимаешь?» Гробовая тишина в классе! Все на меня уставились. И я тогда уже вслух говорю: «Чего ты не понимаешь?» По-чувашски. И вот потом пошло. И они меня на каждом уроке... пытали... вот что-нибудь заставить меня говорить по-чувашски. А им интересно было! И они поэтому вынуждали меня обязательно что-нибудь сказать! Конечно, читать-то я могу кое-что, потому что алфавит там... изменения, но я прочитаю, может быть, неправильно, а знаю, что произнести надо так! И я теоремы заучивала на чувашском языке! И я им по-русски объясню, и потом я им по-чувашски вот эту теорему прочитаю. Там что-то половина по-русски, половина по-чувашски. В общем, вот так я им вначале объясняла! Но они меня испытывали! И с родителями на собрании, они там... что-то я им по-русски. Ну раз уж по-русски, то по-русски! Но тут и по-чувашски... я им где-то чего-то скажу. В общем, я там и по-русски, и по-чувашски со всеми разговаривала. И они, в общем, когда уже последний выпуск перед отъездом был в десятом классе, они мне и говорят: «Юлия Николаевна, мы Вас научили хоть говорить по-чувашски!» (Юлия А., 84 года).

Пятый класс — переломный, ты переходишь в среднюю школу, у тебя появляется русская литература, русский язык. Ну и потом геометрия, физика, химия появляется. Все они, естественно, на русском языке. Чувашский уходит в предмет. Шок сумасшедший! Шок, ломка идет внутри. Как же так? Ай-ай-ай! Оказывается, мир-то — он не ограничивается на чувашском! Вот свой первый шок я помню. А родители — колхоз-

ники. Но для них, для родителей, это настолько было априори, что они никогда не задумывались на такие темы, как... То есть... Ничего, переживет! И таких 98% в чувашской деревне: ничего, переживут! Но у меня лично был очень большой ужас. А потом я помню, в шестые-седьмые классы, нужно же было на русских языках и литературах вставать и по-русски... говорить, то есть это достаточно большой ужас был. Но вот как-то это переламливается. Это же мы группой были. Не я один такой (Евгений С., 31 год).

Реформы 1990-х годов в сфере языкового законодательства (<http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/316-2011-04-05-13-35-25.html>) привели к введению в учебные планы даже в городских школах обязательного изучения чувашского языка как одного из государственных языков в республике, пусть и в минимальном объеме. Тем не менее респонденты младших когорт в выборке, выпускники городских школ, неоднократно подчеркивали трудности, с которыми им пришлось столкнуться при освоении этнического языка: сложности при выполнении домашней работы у одних, у других — непонимание того, зачем нужен язык, не имевший в их собственных глазах и в глазах их родителей достаточного веса и престижа, связанный скорее с деревенским укладом жизни, а значит, отсталым образом жизни.

Я училась с первого по третий классы в чувашском классе, я помню эти слезы и крики родителей, что я не понимаю, как это пишется. Где две щ, где там буква с галочкой, для меня это слезы! И потом родители писали заявление, чтобы меня перевели в русский класс. И с пятого класса я училась в русском. Без слез. Только чтение — и все! Никаких писанин, никаких диктантов на чувашском языке больше не было в моей жизни! Письмо мне очень трудно давалось. Оно само по себе ужасно трудное! Для меня лично — очень трудное! Хотя я и отличница, для меня чувашский язык — очень трудный. За меня мама писала сочинения на чувашском. Я писала на русском, а она переводила мне (Надежда К., 26 лет).

Удивительным кажется и тот факт, что этнические чуваша — горожане испытывали в целом трудности, в то время как татары, к примеру, тоже вынужденные изучать чувашский в обязательном порядке, справлялись с задачей намного легче.

У нас вообще был удивительный опыт, у нас были татары, которые с нами учились. Они намного лучше знали наш чувашский язык, потому что дома говорили на татарском! Языки похожие, тюркские, и они помогали нам с домашкой (Юлия О., 26 лет).

Впрочем, выборка не позволяет сделать окончательные выводы.

Кроме того, респондентами был отмечен достаточно формальный подход к обучению со стороны преподавателей. Приведем свидетельство:

Чувашский язык преподавался с первого до девятого класс. Это было на низком уровне, и само отношение учителей было наплевательским. Три урока чувашского в неделю. Ученики фактически в девятом классе знали на уровне: «Сколько тебе лет? Меня зовут...» Это было обязательно для всех. Мой чувашский был совсем не связан со школой. Мне ничего она не дала. Мой чувашский из деревни, из семьи. Мне было скучно, и в каком-то классе меня полностью освободили. От учащихся требовалось, чтобы они просто приходили, всем ставили пятерки чисто символически. В старших классах я учился в школе-лицее, там был распространен русский язык и шовинизм:

на уровне директора и учителей чувствовалось, когда они очень мягко говорили, что нам это, то есть чувашский язык, не нужно, вы все равно уедете из республики. К этому нас готовил лицей: что ни чувашский язык, ни чувашская культура нам в дальнейшем не понадобятся. Они этим гордились (Андрей Е., 30 лет).

Относительно общения со сверстниками на переменах отметим следующее. Во всех когортах снижается доля общения исключительно на чувашском языке по сравнению с периодом обучения в начальной школе: на 17% в когорте 30–40-летних респондентов, на 23% в когорте 51–60-летних, на 43% в самой старшей возрастной группе, на 50% в группе лиц старше 40 лет, в младшей когорте в выборке исчезает вовсе. Резкое снижение или полное прекращение использования чувашского происходит за счет, с одной стороны, роста двуязычного общения на переменах (в случае когорты 51–60-летних от 5% в начальной школе до 28% в средней школе, в когорте 31–40-летних от 5 до 22%), с другой стороны, появления лишь на среднем этапе обучения чувашско-русского двуязычия, как это произошло в самой старшей когорте (43%) и в когорте 41–50-летних (40%). Это касается тех респондентов, которые перешли на русский язык обучения с переходом в среднее звено национальных школ.

А когда после седьмого класса приехала я в Чебоксары учиться, тяжело было. В восьмом классе. В нашем классе из двух районов. Все приезжие. Городские, чебоксарские, — в другом классе. Отдельно. Конечно, мы между собой по-чувашски, потому что тяжело переходить. Барьер какой-то у нас был. Ну все-таки как-то не включается, что вот по-русски, там. Потому что ты уже думаешь только по-чувашски. Разговариваешь по-чувашски. И продолжаешь в таком же... по инерции вот. Общаться там.. по-чувашски. И у нас преподаватели делали замечания: «Хватит! Надо привыкать!» Меня это не задевало абсолютно! Они же хотели, чтобы нам это было лучше, чтобы мы научились. Правильно. Маме я никогда не жаловалась. Никогда! Даже мысли такой не было. У меня она вообще в школе не училась, безграмотная была. Поэтому у нее таких вопросов... Даже у меня вообще не возникало. И у нее тем более! (Раиса Д., 59 лет).

Общение на русском со сверстниками осталось стабильным в когортах 31–40-летних, 51–60-летних и 61–84-летних или несколько возросло в остальных когортах и касалось в основном респондентов, на тот момент учащихся городских школ и школ, расположенных в райцентрах и ПГТ.

Общение с родителями исключительно на чувашском языке, как правило, в семьях уроженцев сельской местности, осталось стабильным в когортах 31–40-летних (61%) и 51–60-летних (76%), несколько снизилось в самой старшей когорте (на 7% и составило 50%), в когорте 41–50-летних (на 10% и составило 50%), в самой младшей возрастной группе (на 10% и достигло 25%) за счет роста общения только на русском языке или на обоих языках.

Общение на русском языке, с одной стороны, или на обоих языках — с другой, осталось стабильным в силу того, что респонденты проживали либо в городской среде, либо в сельской местности, где в семье практиковалось одновременно использование чувашского и русского языков.

Представители всех когорт, продолжившие обучение в техникуме или в вузе, заявили о том, что в обучении использовался исключительно или в большей мере

русский язык. Чувашский язык, с одной стороны, являлся предметом изучения для респондентов младших и средних когорт в выборке.

У нас чувашский язык был в институте! Был, в девяносто третьем году. Городским тяжело приходилось! У кого национальный класс этот не было в школе, вот городским там — ох! Тогда в Чебоксарах везде это началось, не только у нас в институте. У нас отдельные группы были с ними. Кто национальную школу заканчивал — у нас одна. А у кого нету — они в другую группу. Там программа совсем другая была (Владимир С., 39 лет).

С другой стороны, чувашский использовался в качестве языка обучения в том случае, если респондент учился на отделении чувашской филологии или чувашской журналистики (в когортах 20—30-летних и 31—40-летних).

И дипломная работа у меня была на чувашском языке. Я же Чувашский Государственный Университет заканчивала, факультет журналистики, именно с чувашским языком. В вузе, кроме русской и мировой литературы, английского, все было на чувашском (Татьяна А., 40 лет).

Уроженцы деревень, особенно представители старших когорт, отметили, что в неформальном общении в городе они едва ли переходили на чувашский даже в том случае, если собеседник владел чувашским.

Когда учились, общались в общаге на русском, конечно. Это в Чебоксарах началось. В деревню приезжали, все — на чувашском. А так вот в общаге жили, и с ребятами, тоже чувашами, в основном на русском. Меня вот, интересно, удивлял вот такой момент. У нас вот татары были. Они за свой язык! А у нас в Чебоксарах не было такого! Как-то... непонятно просто! Ну не знаю, честно. И ведь чуваша сами! И — на русском говорят! Приучили так! Да, приучили так! (Леонид П., 62 года).

Учился я в ЧГУ, был компанейский, даже вот мы все чуваша жили в общежитии, но мы разговаривали на русском языке! А вот так было принято! В городе разговаривать на русском языке: то есть вот Чебоксары — Московский район, университет, театр, а вот, где Текстильщики, в другой части города, там разговаривают на чувашском. Где рабочий класс, а тут — студенты, интеллигенция — это все на русском разговаривают! Просто так было принято! И в комнате даже на русском разговаривали! (Владимир М., 62 года).

В более младших когортах чувашский язык при общении со сверстниками в неформальной обстановке использовался более широко: подобное языковое поведение, возможно, объясняется и более эффективной языковой политикой последних десятилетий по продвижению чувашского языка в качестве одного из государственных языков в Чувашской Республике [4. С. 268].

В Чебоксарах в то время стеснялись говорить на чувашском языке. Это, наверное, стеснение было не от самого языка. А от того разделения, на городские и деревенские... как-то они все равно были скованны. Если ты разговариваешь на чувашском, значит, ты из деревни. Хоть как ты не оденешься, ты — деревенская! А мы — если мы с группой были, журфак (обучение на чувашском — МК), нам было все равно. Мы разговаривали на чувашском. Но не сразу, правда. Сначала в магазинах мы все разговаривали там... на русском языке. А потом мы постоянно где-то ходили, дружили, общались, разговаривали на чувашском языке. То есть вот группой разговаривать я не стеснялась, а

вот когда одна, было какое-то стеснение все же. Хотя вот Яльчики-Батырево, они не стеснялись! (Эльвира Е., 37 лет).

Действительно, некоторые респонденты в нашей выборке, уроженцы Яльчиков и Батырево, отметили, что стеснения они вовсе не замечали при использовании и в городе чувашского языка:

Не было стеснения говорить на чувашском. Мне кажется, мы были... понаглее. Мы вполне себе спокойно. И в троллейбусах разговаривали на чувашском между собой, и ничего! (Татьяна А., 32 года).

В ЧГУ на факультете на русском, но между собой на чувашском, там же половина из деревень учились, у нас не было стеснения, у нас в Яльчиках принято разговаривать на чувашском, хотя вот были среди моих знакомых, кто не говорил по-чувашски, хотели выглядеть по-другому что ли (Дмитрий М., 33 года).

Локальная коммуникация

Место проживания респондентов (городская среда или сельская местность), как правило, являлось ключевым и определяющим при установлении языка общения с соседями на малой родине.

В ходе обследования была выявлена следующая корреляция. Во всех когортах (в 100% случаев) этнические чуваша, уроженцы небольших населенных пунктов, при общении с лицами своей этнической принадлежности использовали чувашский язык.

Деревня была чувашская, там русских, наверное, и не было. Все разговаривали по-чувашски. В деревне не жили русских-то (Анна П., 78 лет).

В том случае, если в деревне или в непосредственной контактной зоне проживали русские или русскоязычные жители, а также представители других этнических групп (кроме татар), опрошенные разговаривали с ними, как правило, на русском языке (данные варьируются от 86% до 100% в разных когортах).

В основном у нас — чуваша, с ними по-чувашски. А с соседями с Камчатки — по-русски (Сергей Т., 21 год).

Мы на границе с марийцами жили, с ними — на русском разговаривали (Лилия Ш., 47 лет).

В непосредственной контактной зоне с татарами опрошенные использовали чувашско-татарское двуязычие, при этом интенсивность данного типа двуязычия колеблется в зависимости от возрастной когорты. В самой старшей когорте русско-татарское двуязычие составило 66,6% и достигло пика в когорте 50—60-летних респондентов — 78%.

Деревня у нас была чувашская, на чувашском. Но у нас в районе татары были и в школе. А с татарами в основном на чувашском (Петр М., 54 года).

Деревня чувашская, а рядом татарская деревня. Они по-чувашски и по-татарски разговаривают. Но без русского! И татарский я тоже знаю. У нас деревни через речку — чувашская и татарская. И один колхоз. Мы с малых лет уже вместе. Они чувашский знали, мы татарский знали. Ну вот вместе работали, по-татарски, по-чувашски разговаривали (Петр А., 58 лет).

Данный тип двуязычия отсутствовал в когорте 40—50-летних респондентов в нашей выборке по той причине, что в окружении респондентов этой когорты татары не проживали. В более младших возрастных когортах чувашско-татарское двуязычие, широко практикуемое лицами старше 50 лет, отступило на второй план: в когорте 30—40-летних наметился значительный спад в общении на чувашском и татарском языках до 25%, в 75% случаев общение между чувашами и татарами, происходило на русском языке.

Через речку у нас татарская деревня — вот с ними мы на русском (Дмитрий М., 33 года).

В когорте 20—30-летних при общении с татарами языком межэтнического общения выступал либо русский (50%), либо чувашский язык (50%).

Респонденты во всех когортах, уроженцы поселков, районных центров и городов, в том числе и столицы Чувашской Республики, употребляли русский язык независимо от этнической принадлежности собеседника как в общении с чувашами и русскими, так и с представителями других этнических групп, при этом респондентами неоднократно подчеркивалось место общения — город или поселок, что самой собой подразумевало сложившуюся в городской среде тенденцию использовать русский в качестве языка межнационального общения [5. С. 100].

И чуваша, и русские жили. На русском разговаривали, это же город! (Лев, 44 года).

В Чебоксарах в основном у нас были русские и чуваша, других национальностей — мордва, допустим, — единицы. Язык общения был только русский (Александр М., 44 года).

Проживали чуваша и русские, но это же был поселок, то на русском общались все (Ирина Л., 50 лет).

Ну в Чебоксарах, наверное, в процентном отношении, пятьдесят на пятьдесят — были и русские, и чуваша. Везде мы говорили тогда по-русски (Валентина С., 61 год).

Выводы

Таким образом, сопоставительный анализ языковых биографий респондентов позволяет выявить различные пути усвоения респондентами этнического языка. Кроме того, языковые биографии являются отражением, а в некоторых случаях — закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществлявшейся в советский и постсоветский период в том числе и в Чувашии [6].

Список литературы

1. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005.
2. *Фомин Э.В.* Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016.
3. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М.: Юрайт, 2016.
4. *Самарина И.В.* Государственные и другие языки в системе образования Чувашии // Функционирование языков в многонациональном государстве: Россия и Вьетнам. М.: Советский писатель, 2008.

5. Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34–129.
6. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+; Институт востоковедения РАН, 2000.

© Куцаева М.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.10.2018

Дата принятия к печати: 02.01.2019

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Куцаева М.В. Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 21–34. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна — соискатель, Институт языкознания РАН. E-mail: moscoop@yandex.ru

Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora

M.V. Kutsaeva

Institute of Linguistics, RAS

B. Kislovsky per., 1, str. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

The article presents the results of a sociolinguistic survey conducted by the author in the Chuvash diaspora of Moscow region. The actual use of the Chuvash language in the conditions of Diaspora residence is determined, among other things, by the previous language experience of respondents in their small homeland.

The most common stages of language biography are: languages used by respondents in conversation with parents, older relatives, peers in childhood before school; the language used in teaching in primary school, in secondary school, in High school, — all these factors allow to reveal various ways of ethnic language acquisition.

Key words: diaspora, Chuvash language, language biography, Chuvash-Russian bilingualism

References

1. Ivanov, V.P. 2005. Ehtnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda. Istoricheskaya dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya [Ethnic Geography of the Chuvash People. Historical Population Dynamics and Regional Features of Settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo. Print. (In Russ.)
2. Fomin, Eh.V. 2016. “Yazykovaya situaciya v Chuvashii” [Language Situation in Chuvash Republic] in Yazyk i obshchestvo. Ehnciklopediya. Moscow: Azbukovnik. Print. (In Russ.)
3. Belikov, V.I., and L.P. Krysin. Sociolingvistika [Social Linguistics]. Moscow: Yurajt. Print. (In Russ.)
4. Samarina, I.V. 2008. “Gosudarstvennye i drugie yazyki v sisteme obrazovaniya CHuvashii” [State and other Languages in the Education System of Chuvashia] in Funkcionirovanie yazykov v mnogonacional'nom gosudarstve: Rossiya i V'etnam. Moscow: Sovetskij pisatel'. Print. (In Russ.)
5. Baskakov, A.N., and O.D. Nasyrova. “Yazykovye situacii v tyurkoyazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskiy ocherk)” [Language Situations in the Turkic-speaking Republics of the Russian Federation (brief sociolinguistic essay)] in Yazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ya: status i funkcii. Moscow: Ehditorial URSS. Print. (In Russ.)
6. Alpatov, V.M. 150 yazykov i politika. 1917—2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 Languages and Politics. 1917—2000. Sociolinguistic Poblems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow: Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.10.2018

Accepted: 02.01.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kutsaeva, M.V. 2019. “Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 21–34. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Bio Note:

Marina V. Kutsaeva is an applicant at Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
E-mail: moscoop@yandex.ru